

УДК 32

**ГЕОСТРАТЕГИЯ ТУРЦИИ НА БОЛЬШОМ БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ:
ТРАНСФОРМАЦИИ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ**

М. Г. Аванесян

*Магистр политологии,
Российско-Армянский университет,
e-mail: mikayelava@tutanota.com,
ORCID 0000-0003-4769-9026,*

В. С. Давтян

*доктор политических наук, доцент,
Российско-Армянский университет,
ORCID 0000-0002-0848-3436,
e-mail: vahedavtyan@yandex.ru,
Российско-Армянский Университет,
г. Ереван, Армения*

**TURKEY'S GEOSTRATEGY IN THE GREATER MIDDLE EAST:
TRANSFORMATIONS AND NEW CHALLENGES**

M. G. Avanesyan

*Master of Political Science,
e-mail: mikayelava@tutanota.com,
ORCID ID 0000-0003-4769-9026,
Russian-ARmenian University,*

V. S. Davtyan

*Doctor of Political Sciences, associated professor,
ORCID: 0000-0002-0848-3436,
e-mail: vahedavtyan@yandex.ru,
Russian-Armenian University,
Yerevan, Armenia*

Abstract. The article highlights the current issues of the new geostrategy of Turkey in the Greater Middle East. Given the current geopolitical situation, comparisons are made with the strategic documents of Turkey, the main theses of foreign policy modernization are derived. The issues of neo-Ottomanism, neo-Islamism in the context of the conflicts of Syria and Libya, its realities and prospects are emphasized. In addition, it shows the current stage in Turkey's relations with the US and Russia, as well as its role in international organizations. In these matters, we are trying to understand the new role of the Turkish army in ensuring national security. Deriving common patterns and perspectives will allow us to evaluate the efforts of the ruling party in Turkey's new geopolitical vision.

Keywords: Turkey; strategic documents; geopolitics; Greater Middle East; Army; oil crisis.

Введение

Происходящие сегодня события на сирийском и ливийском фронт можно охарактеризовать как столкновение интересов нескольких геополитических блоков. Казалось бы, президент США Д. Трамп

больше не желает продолжать распространение влияния на эти страны, ограничиваясь концепцией своих предшественников, а именно «сомализацией», формируя при этом неопределенное, конфликтное положение, чреватое политической

хаотизацией. При этом ближайший союзник США в регионе, Турция, берет инициативу в свои руки, реализуя программы, договоренность о которых была достигнута еще несколько лет назад.

С целью системного исследования данных процессов следует обратиться к стратегическим программам Турции, в которых достаточно четко обозначены перспективы расширения турецкого влияния на Ближнем Востоке. Наиболее актуальной из этих программ является «Видение 2023», в которой, помимо внутренних проблем, актуализируется и внешняя стратегия Турции, в частности, в направлении формирования нового порядка в регионе не только в сухопутном, но и морском измерении.

Стратегическая программа «Видение 2023», по сути, постулирует возвращение Турции к милитаристическому прошлому, что имеет своё объяснение [1]. В условиях нарушения «идеалов» бывшего премьер-министра Ахмета Давутоглы, сводящихся к становлению Турции в качестве региональной державы, когда в соседних странах происходят акты вспышки насилия, Турции необходимо вновь возродить милитаризованное общество для обеспечения, в первую очередь, собственной государственной безопасности. Параллельно с этим турецкое руководство в условиях дестабилизации желает значительно увеличить свое влияние путём применения жёсткой силы.

Стратегия «Видение 2023» акцентирует внимание на состоятельность турецкого государства, на необходимости трансформации государственного управления, а затем – его выдвигании на мировую арену как крупного регионального игрока.

После попытки государственного переворота в Турции в 2016 г. несколько изменилась официальная риторика, а также стратегическое мышление руководства страны. С устранением внутренних игро-

ков Эрдоган стал больше поддаваться реакционной политике, что и приводит к радикализации общества. Это, прежде всего, свидетельствует о начале нового геополитического поворота, который становится все более заметным в центральных структурах государства. Рассматривая национальные стратегические документы, мы приходим к выводу, что государственный интерес значительно набирает оборот и нацелен в первую очередь на реализацию проектов экономического, социального, энергетического и военного спектра. Текущие позиции партии Справедливости и развития (ПСР) позволяют ей подходить к принятию ключевых решений при помощи традиционных методов.

Что касается вопросов модернизации вооруженных сил, мы можем констатировать их изменение в иерархии государственного управления. В контексте геополитических изменений важно отметить, что впервые турецкое руководство поставило цель создания самодостаточного военно-промышленного комплекса (ВПК), а также модернизации учебно-образовательных центров для обучения и переподготовки кадров [2]. Очевидно, что в контексте геополитических изменений становится актуальной роль вооруженных сил как гаранта суверенитета.

Выделим два базовых тезиса геостратегии Турции на современном этапе.

Тезис 1. Поддержка исламских ценностей по всему миру. Данная стратегема реализуется уже 20 лет, а сегодня она является ключевым во внешнеполитическом векторе Турции. На полях военных действий также интегрированы фундаменталистские группировки, незаконные вооруженные формирования с идеологией панисламизма, выполняющие функции нерегулярных частей армии. В Сирии, а также в Ливии они являются массовыми представителями ВС Турции, хотя не имеют официального статуса. Бывшие

беженцы составляют ядро таких группировок, как Харрар-аташ, ССА и других подразделений. Они обладают географическими знаниями местности, опытом войны и, что более важно, желанием заработать. В последнее время представители группировок активно взаимодействуют с турецкими ВС, получая от них снабжение и разведывательную информацию.

Тезис 2. Поддержка собственных экономических интересов далеко от своих границ. Важно отметить рост напряжения в богатом углеводородами Юго-Восточном Средиземноморье, вблизи морских пространств Ливана, Кипра, Греции и Израиля, где назревает конфликт распределения ресурсов. Важно учесть также углеводородные запасы Ливии и Сирии, к которым турецкие компании имеют ограниченный доступ.

Эти два тезиса являются ключевыми и будут рассмотрены в дальнейшем более подробно.

Исламский глобализм или тюркское начало?

Стратегические документы, регулирующие политику Анкары в сфере безопасности («Видение-2023», Доктрина национальной безопасности), формируют идеологическую почву для возрождения имперских традиций, при этом в сочетании с обязанностями перед трансатлантическим блоком.

Появление альтернативного (суннитского) фронта достаточно отягощает позиции Анкары на Аравийском полуострове, как и в исламском мире в целом. Несмотря на союзнические отношения Турции и Катара, турецкое руководство ощущает недостаточность своих ресурсов для обеспечения баланса позиций в регионе. При этом становится очевидным, что позиция главного «хранителя святынь» — Саудовской Аравии, значительно сильнее,

а общеарабский конгломерат (часть которого находится в прямом политическом столкновении с Турцией) и транснациональные корпорации (ТНК) вовсе не желают поддерживать внешнеполитические инициативы Анкары. Хотя существуют общие точки соприкосновения Турции и Лигой арабских государств (ЛАГ) (например, Палестинский вопрос), конфронтация трансформируется в блоковый характер.

Несмотря на это, Анкара активно приспособляется и к другим регионам, входящим в зону ее геостратегических интересов. В частности, оказывается активная поддержка исламским общинам Балкан, Юго-Восточной Азии и Восточной Африки. Так, осуществление инвестиций в Судане и Сомали является свидетельством долгосрочного стратегического планирования Анкары, что заставляет других региональных игроков вести борьбу за политический контроль и усиливать собственные вооруженные представительства в территориальных водах (в Красном море). В свою очередь, использование незаконных формирований и боевиков принуждает также и мировое сообщество к оценке действий Анкары в области безопасности и недопущения новых очагов эскалации.

Исламское миссионерство изначально было задумано для реализации «мягкой политики» Турции, однако текущая геополитическая обстановка обязала трансформировать «мягкую политику» в жесткую. В первую очередь, маневренность турецкому правительству предоставила богатая база культурно-религиозных ценностей, а также прагматичная оценка перспектив торговых соглашений. В этом контексте важно отметить рост присутствия турецких компаний на региональных рынках, а также успешный сбыт товаров турецкого производства. В про-

центном соотношении, за последний год сбыт продукции увеличился на 6,4 %, а суммарно прибыль составляет 16,7 млрд. долларов США [3]. Таким образом, с увеличением идеологической базы, построенной на концепциях неоосманизма и неоисламизма, расширяются и экономические возможности Турции в отдельных странах указанных выше регионов, что неизбежно приводит к военно-политическому присутствию в них Анкары. При этом данная закономерность распространяется исключительно на государства с большими или доминирующими исламскими общинами. Контроль над морскими территориями происходит далеко за пределами Малой Азии. Можно констатировать, что в основу турецкой геополитики заложена талассократическая модель, уже примененная Османской империей.

Сегодня турецкое правительство рассматривает расширить деятельности своих компаний за рубежом, а доходы, полученные ими, планирует направить на компенсацию государственных инвестиций в малом и среднем бизнесе. В целом же, это в первую очередь нацелено на повышение конкурентоспособности турецких товаров на мировом рынке.

Из этого следует что, инвестиции являются важным фактором распространения турецкого влияния. В течение последних 15-ти лет (начиная с 2005 года), Турция инвестировала в Африку порядка 62 млрд. долл. США [4]. Это свидетельствует о реализации масштабной программы, нацеленной на увеличение веса турецкого капитала в африканских странах. Исходя из этого, можно предположить, что и в дальнейшем мы будем наблюдать за ростом турецких инвестиций в политически и экономически нестабильных странах региона, приводя их к зависимому положению.

В данном контексте достаточно удачным примером является Судан с ее бывшим

одиозным лидером Омаром Баширом. Во времена своего правления Башир полностью пользовался покровительством Эрдогана, а после его свержения Турция столкнулась с угрозой невозврата кредитов, замораживанием проектов, в которые были вложены миллиарды долларов, что неизбежно отразилось на экономике Турции [5].

С целью компенсации понесенных убытков, а также продолжения своей геэкономической стратегии сегодня Турция нацелена на реализацию нефтегазовых программ в Средиземном море. Применение здесь военно-морских сил показывает готовность турецких властей силовым способом протекционировать собственные экономические и энергетические интересы.

Новая роль Вооруженных сил Турции

В связи с началом последних операций в Сирии и Ливии возникают вопросы, связанные с готовностью национальной турецкой армии эффективно выполнять свои функции в борьбе с хорошо подготовленными силами. Однако для получения объективных оценок погрузимся в историографические подробности. Статистика показывает, что после вторжения на Кипр, де-факто и де-юре вооруженные силы обходили геополитические проблемы, а с началом гражданской войны в Сирии турецкие ВС играли латентную роль, уступив инициативу спецслужбам. В течение последних 35–40 лет ВС Турции не были задействованы в крупных операциях, а внутригосударственные кризисы решались усилиями жандармерии. Естественно, кадровый погром в 2016 году еще более сказался на боеспособности армии, и на сегодняшний день мы наблюдаем за реализацией программы модернизации турецких ВС [6].

Начиная с 2017 г., когда о проектах модернизации начали только задумываться, турецкая армия начала активно ис-

пользоваться в наступательных операциях. Осознавая проблему неготовности к резким колебаниям, турецкое правительство решило ограничить масштабы каждой операции, используя паузы для переговорных обсуждений с союзниками и партнёрами. Такие политические манёвры позволяли маленькими шагами достичь существенных успехов в переговорном процессе (соглашение по Сирии в Астане и Сочи), при этом, не используя полный запас тактических сил. Важно учесть также новые комбинированные и нетрадиционные методы ведения военных действий, к которым достаточно часто прибегает Генеральный штаб Турции и сегодня.

В случае с Ливией мы не можем утверждать, что при масштабных операциях у Турции хватит ресурсов хотя бы на тыловое обеспечение. Не стоит забывать, что армия будет противостоять не просто «срочникам» или резервистам, а достаточно подготовленным силам, зачастую прибегающим к использованию частных военных компаний (ЧВК) и других иностранных инструкторов. Это значительно уменьшает потенциал эффективных действий со стороны ВС. Однако, по нашему мнению, Турция должна совершить «рокировку» сил, передвинув свои основные силы в Сирию, а прокси-силы переместить непосредственно в активные зоны действий. Тем самым, несмотря на значительные расходы, временно можно перекрыть ливийский фронт, но для более серьёзных инициатив силовикам предстоит разработать новую концепцию, позволяющую компенсировать нехватку собственных кадров. Пожалуй, кадровый вопрос остаётся достаточно болезненным: ВВС Турции испытывают нехватку личного персонала - от пилотов до обслуживающего персонала. При этом в ВМС и Сухопутных войсках ставится упор на подготовку уорент-офицерского состава.

Попытка переворота в 2016 г. изменил внутривластный расклад, но избавление от гюленистов в армии долгое время не сможет изменить стратегические взгляды военной элиты Турции. Утверждения, что турецкая армия максимально очищена от нелицеприятных элементов, не может полностью соответствовать действительности, так как, осознавая проблему подготовленных командиров, военное руководство неохотно выполняет приказы правительства. Исполняя обязанности перед стратегическими партнёрами, военная элита рекомендует гражданским структурам воздержаться от попыток вмешательства в дела ВС. Армейская элита также показывает руководству, что состав, подготовленный в западных военных учреждениях, имеет не только колоссальное влияние в реализации отдельных программ, но и в геополитике.

С увеличением количества заграничного (армейского) присутствия, обнаруживается, что военные учреждения всё ещё пользуются своим гигантским влиянием на разработку планировок в МИД Турции. Высшие государственные деятели, осознающие проблему, пытаются получить максимальное – лояльную (временно) армию и усиление мощи в региональном аспекте. Задействовав армию в различных операциях, партия Справедливости и развития взяла перерыв, параллельно реализуя силовые акции далеко за пределами государства.

В целом, сегодня наблюдается снижение влияния ВС на политическое руководство. Вместе с тем операции в Сирии и Ливии демонстрируют во многом автономность работы ВС Турции. Мы можем констатировать, что последние операции могут служить примером быстрой координации оперативного звена, в частности применения новых методов гибридной

войны (в частности метод кибернаступлений против критических инфраструктур).

Новые геополитические ориентиры Турции

Стремление турецкой политической элиты получить максимальную независимость от своих союзников зачастую переходит в конфликтную стадию, что в принципе несвойственно стратегическим отношениям. При этом ответственность за неопределенность в отношениях с партнерами должна нести Турция, привыкшая использовать своё географическое положение для оказания давления на Брюссель.

Обращаясь к историческим прецедентам (например, вторжение на Кипр в 1974 г.), мы можем определить данную ситуацию как политический шантаж, взамен на политические дивиденды, требуемые Анкарой. Однако специфика текущей ситуации заключается в увеличении уровня свободы Турции в своих действиях, достигнутой благодаря стратегическим инициативам, начавшимся 20 лет назад. Критический и резкий подход к решению политических и экономических вопросов исходит из состоятельности программ в контексте исламского взаимосодействия, а также формирования нового, но традиционалистского имиджа государства.

Обратимся к актуальным разногласиям в отношениях между Турцией и США (в главную очередь с НАТО). Кризис с блоком возник сразу же после неудавшегося госпереворота в 2016 г. Тогда Турция обвинила США и Североатлантический альянс в поддержке ФЕТО, а также вмешательстве во внутренние дела государства. Ослабление базы Инджирлик, а затем сделка с Россией по системе ПВО С-400 генерировало проблемы в отношениях с США, а ужесточение общеатлантических санкций в отношении Анкары нанесло урон по экономике Турции. Например, падение национальной валюты на не-

сколько сотен процентов (в марте 2019 г. уровень обвала составил 300 %), что привело государство к инфляционному порогу. Отказ Запада от выполнения обязанностей по миграционному вопросу, а также сокращение инвестиций уже сегодня показывает тотальную финансовую, экономическую зависимость Анкары от своих партнеров [7].

Отметим, однако, что, несмотря на риторику Анкары, вопрос выхода Турции из НАТО не ставится. Осознание того, что безопасность самого государства может быть нарушена, заставляет правящую партию Справедливости и развития ограничить агрессивность по отношению к западным союзникам, а фактическая экономическая, финансовая зависимость укрепляет тезис о неспособности Турции без иностранного капитала. Несмотря на реализацию проектов национальных масштабов, резкие геополитические повороты Анкары могут быть губительным для неё. Важно осознавать, что Турция не может реализовывать свои вопросы исключительно жёсткой силой, так как зачастую не имеет необходимой поддержки [8].

Не менее важное место в турецкой геополитической стратегии занимает другая организация – Тюркский совет. Эта пантюркистская организация, созданная вместе с Азербайджаном в 2009 г., преследует цель объединить все нации, у которых есть общее прошлое, культура и т. д. Организация, начавшая деятельность в культурной, сфере поэтапно стала преследовать и политические цели (впоследствии они стали основными). Но, несмотря на то, что Тюркский совет оставался в тени геополитических разворотов Турции, после 2019 г. он стал основным инструментов реализации «мягкой силы», принимая в свои ряды и те страны, с которыми имеют мало исторических или культурных общностей. Со вступлением в эту организации Венгрии появилась необхо-

димось рассмотреть причины данной инициативы, а также проблемы тюркоязычных меньшинств в плане реализации геополитических интересов Турции.

Пожалуй, начнём со второго вопроса. Итак, какие именно страны (меньшинства) попадают под определение «тюрки». В географическом смысле это колоссальная община, проживающая на территории Сирии (туркоманы), Ирана (иранские азербайджанцы), а также Афганистана, России, Болгарии, Молдавии, Грузии, Китая. Подходящие по этническому и культурному происхождению народы, преследуя социальные интересы, зачастую обращаются к Турции, для поднятия собственных вопросов на международном уровне. Например, уйгурские националисты в Китае, ориентируясь на возможности Турецкой Республики, зачастую становятся заложниками ситуации, попадая под наблюдение китайских и других спецслужб.

Страны, имеющие большое тюркское население, оказываются под фокусом внимания Анкары. В качестве примера приведем Болгарию, где, благодаря инициативам Тюркского совета в лице Турции, была достигнута правовая договоренность защиты населения, их культуры на государственном уровне.

Конечно, сегодня рано говорить о тюркском факторе, как геополитической величине, однако текущие события показывают, он является приоритетом внешней политики Турции и ее стратегической целью в реализации доктрины Ахмета Давутоглу. Его «Стратегическая глубина» подразумевает не только размеры социального и экономического давления, но и культурного, что превращает Совет в перспективе важным геополитическим игроком [9].

В рамках концепции панисламизма Турция продолжает и взаимодействие с

другой крупной структурой – Организацией Исламского сотрудничества (ОИС). С укреплениями своих позиций, начиная с 2009 г., Турция становится актором многих инициатив, направленных на сохранение общеисламских ценностей. Невзирая на противодействия арабских стран, Турция в своей официальной риторике подчёркивает, что 100 лет назад она являлась гарантом безопасности трёх святынь, и исламские проблемы ей не чужды.

Затрагивая многие конфликты на территории Большого Ближнего Востока и Восточной Азии, Турция декларирует принцип главенства в ОИС, параллельно решая и многие геополитические вопросы в свою пользу. Таким образом, можно констатировать, что Анкара стремится к лидерству не только в культурных или экономических, но также политических вопросах. Вспоминая события в Мьянме, где местное исламское меньшинство, подвергавшиеся гонению со стороны властей, является явным признаком нацеленности турецких властей на реализацию защиты всемусульманских ценностей. На полях международных организаций Турция всецело поддерживала народность рохинджа, основываясь на том, что гонение было организовано исключительно на религиозной почве. Тем самым идеологически Турция показала свою реакционность и глубину действий, оставляя другие страны ОИС позади в реализации «мягкой политики» на мусульманском пространстве.

Тезис о турецком миссионерстве напрямую связан и с пантюркизмом, и с политическими проектами в Сирии и Ливии. Зачастую, прибегая к традиционным методам политического манипулирования, достигаются военные соглашения, которые, в свои очередь, противопоставляются и другим игрокам. Так, в противовес Ирану и Саудовской Аравии, в Катар был переброшен отдельный контингент

вооружённых сил Турции. Также Турция добилась переброски воинского контингента на территорию Судана и Сомали. Все эти страны объединяет исламская общность, ОИС же становится платформой легитимации действий Анкары.

Выводы

Таким образом, политическая стратегия Турции переходит из выжидательной в наступательную, где нет место технологиям «мягкой силы». В свою очередь, внутривнутриполитическая трансформация в Турции пошатнула традиционно устоявшийся баланс сил в регионе, вызвав появление новой силы на территории Ближнего Востока. С ослаблением позиций США в регионе и с появлением негосударственных сил (ТНК), противоборства будут иметь более интенсивный характер, при этом будет полностью меняться сущность конфликтов.

Политика неоосманства, турецкого панисламизма, а также неопантюркизма на сегодняшний день формирует внешнеполитическое видение Партии справедливости и развития и распространяется не только на ближнее зарубежье (для Турции), но и далеко за пределы Большого Ближнего Востока. Важно при этом отметить формирование в Турции идеологий, стоящих в оппозиции к Североатлантическому альянсу и Западу в целом, однако они несут преимущественно популистский характер.

Библиографический список

1. AK Parti- 2023 Siyasi Vizyon <https://www.akparti.org.tr/parti/2023-siyasi-vizyon/>
2. Savunma Sanayii Başkanlığı- 2018-2022 Savunma Sanayii Sektörel Strateji Dokümanı. URL: https://www.ssb.gov.tr/Images/Uploads/MyContents/F_20190402102925477924.pdf
3. Turkey Exports 1957-2020- Trading Economics. URL: [https://tradingeconomics.com/turkey/exports#:~:text=In%202017%2C%20Turkey's%20major%20exports,%2Dmonetary%20\(4%20percent\)](https://tradingeconomics.com/turkey/exports#:~:text=In%202017%2C%20Turkey's%20major%20exports,%2Dmonetary%20(4%20percent))
4. Turkish President Erdogan calls on Africa to do business in local currency- DEIK. URL: <https://www.deik.org.tr/press-releases-turkish-president-erdogan-calls-on-africa-to-do-business-in-local-currency>
5. Sak G. An investment policy framework for Turkey in the twenty-first century-TEPAV, 2015 URL: https://www.tepav.org.tr/upload/files/1426001674-9.An_Investment_Policy_Framework_for_Turkey_in_the_Twenty_First_Century.pdf
6. GURSOY Y. Turkish Defence Policies and Armed Forces – ECPR, 2018. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/8770b528-53dd-4ccf-8bc1-9c01f2cfd1ce.pdf>
7. YEGIN M. Turkey between NATO and Russia: The Failed Balance - SWP-Comment Berlin. URL: 2019 https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/comments/2019C30_Yegin.pdf
8. Кобринская И., Вартазарова Л., Уткина С. Современная Турция: тренды развития и значение для России// ИМЭМО РАН 2019. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019_03.pdf
9. ERSEN E.KOSTEM S. Turkey's Pivot to Eurasia Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order- Taylor and Francis group, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/333433418_Turkey's_Pivot_to_Eurasia_Geopolitics_and_Foreign_Policy_in_A_Changing_World_Order

© Аванесян М. Г.,
Давтян В. С., 2020.